

XXI ВЕК И НАШИ ДЕТИ

© 2014 г. Александра Матвеевна Нечаева¹

Краткая аннотация: в работе рассматривается положение детей в далеком прошлом и настоящем. Обращается внимание на положение детей, оставшихся без семьи, родителей, на рекомендации общественного проекта Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г.

Annotation: the article is devoted to the situation with children in far past and present. The focus is made on situation with children, deprived of a family and parents, recommendations made in the public project of the Concept of state family policy of Russian Federation for the period until 2025.

Ключевые слова: семейное законодательство, ребенок-сирота, неполная семья, родители, авторитет, ответственность родителей.

Key words: family legislation, child-orphan, incomplete family, parents, authority, parents – responsibility.

Все ощутимее становится истина: “Будущее общества – это его дети!”. Именно поэтому в конце века XX, в 1989 г. ООН была принята Конвенция о правах ребенка, к которой Россия присоединилась чуть позже – в 1990 г. Для России эта Конвенция приобрела особый смысл, поскольку положение несовершеннолетних граждан еще в XX в. и позже, начале века XXI, вызывало и вызывает особую обеспокоенность не без веских к тому оснований.

По последним статистическим данным, в России насчитывается 142.9 млн. чел., в том числе 25.9 млн детей в возрасте до 18 лет². Причем “на фоне сокращения удельного веса детей в численности населения с начала 1990-х годов в России наблюдался рост численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей”³. Вот почему делается вывод: “Важной особенностью российской ситуации является высокая и постоянно растущая доля социальных сирот (сирот, родители которых живы) в общей их численности”⁴. Доля детей, оставшихся без попечения родителей, в детском населении России составляла (в процентах): в 1990 г. – 1.2, в 2010 г. – 2,6, в 2011 г. – 2.46⁵. А в абсолютных цифрах общее количество детей, оставшихся без попечения родителей, составляло

(в тыс.) только в 2012 г. 643.8⁶. Причем численность ежегодно выявляемых таких детей составила в 2007 г. – 124 384 чел., в 2011 г. – 82 177 чел. Из них, соответственно, круглых сирот – 21 228, 13 343; социальных сирот – 103 000, 68 834⁷.

Другой немаловажный симптом детского неблагополучия в современной России – бедность семей с детьми, на что обращалось внимание и в Указе Президента РФ “О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы” от 1 июня 2012 г.⁸: “Согласно данным Росстата, доля малообеспеченных среди детей в возрасте до 16 лет превышала среднероссийский уровень бедности. В самом уязвимом положении находятся дети в возрасте от полутора до трех лет, дети из многодетных и неполных семей и дети безработных родителей”⁹. Вот почему к основным проблемам в сфере детства относится “высокий риск бедности при рождении детей, особенно в многодетных и неполных семьях”¹⁰. В самом уязвимом положении с точки зрения бедности находятся дети в возрасте от 1–2 лет и дети из многодетных семей¹¹. Концепция, обозначая актуальные проблемы семей с несовершеннолетними детьми, обращает внимание на их бедность, отмечая при этом, что 37% таких семей “соответствуют числу получателей региональных пособий”¹².

¹ Главный научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор (E-mail: igpran@igpran.ru).

² См.: Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей. М., 2011. С. 6.

³ См.: там же.

⁴ См.: там же.

⁵ См.: Общественный проект Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года. М., 2013. Кн. 3. П. 159 (далее – Концепция).

⁶ См.: там же. П. 152.

⁷ См.: Концепция. Кн. 3. П. 156.

⁸ См.: Сборник законодательства РФ 2012. № 23. Ст. 2994.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей. С. 7.

¹² Концепция. Кн. 4. П. 371.

Еще один значимый показатель неблагополучия в семье, а соответственно, и в условиях жизни ребенка – наличие неполных семей, где ребенок растет без одного из родителей – чаще всего отца. Количество таких семей меньше не становится. Их число выросло в сравнении с 2002 г. на 3%¹³. Доля неполных семей в общем числе семей с детьми составляет 39.3% (против 30% в 2002 г.)¹⁴.

К числу убедительных доказательств неблагополучия в условиях жизни несовершеннолетних детей относится и такое явление, как лишение, ограничение родительских прав в судебном порядке. Всего лишено родительских прав в 2008 г. 63 100 чел., в 2011 г. – 50 801 чел.¹⁵ Причем, что характерно для России, чаще – лишают родительских прав, реже – в этих правах ограничивают. Например, в 2011 г. в 87% случаев имело место лишение родительских прав в судебном порядке и лишь в 13% – ограничение родительских прав¹⁶. И если число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 2011 г. составило 654.4 тыс. чел. (2,6% детского населения), то из них 82% стали социальными сиротами вследствие лишения родителей родительских прав. В подавляющем большинстве случаев причина лишения родительских прав – алкоголизм родителей, ставший источником грубого нарушения прав ребенка. Вот почему в Указе Президента РФ “О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы” обращается внимание на то, что “трансформация института семьи сопровождается высоким уровнем социального неблагополучия в семьях, сопряжено с пьянством и алкоголизмом, наркозависимостью, деградацией семейных и социальных ценностей, социальным сиротством”¹⁷. Кроме того, в этом Указе обозначены реальные направления решения одной из важнейших государственных проблем современной России по спасанию наиболее уязвимой категории детского населения. Во исполнение данного Указа Президента РФ в 2013 г. был разработан Общественный проект Концепции государственной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в 5-ти книгах (далее – Концепция). Его текст отличают богатые статистические данные, свидетельствующие о разного рода переменах в положении семей, детей, состоявшихся уже в XXI в. в России. В то же время здесь обращается внимание на то, что современная российская семья значительно от-

личается от традиционной, сложившейся веками, основанной на многодетности, супружестве отца и матери. Причем причины ослабления семьи и разрушения традиционных семейных ценностей Концепция усматривает в несовершенстве современного семейного законодательства, не связанного со святостью института брака, авторитетом родительской власти, со святостью материнства, и, что не менее важно, в ложном понимании приоритета прав ребенка. При этом Концепция, уделяя внимание социальным функциям семьи, относит их к числу традиций, обычаев семьи и рода, передавая их от поколения к поколению¹⁸. А к традиционным семейным ценностям, влияющим на состояние семьи, рождаемость, благополучие детей, Концепция относит “приоритет родительской власти в вопросах воспитания детей, выбора методов воспитания и определения развития ребенка”¹⁹. Таким образом, эта Концепция отличает в качестве причин катастрофического положения детей в современной России, во-первых, несоблюдение семейных традиций; во-вторых, ложное понимание роли ребенка в семье; в-третьих, падение родительского авторитета с помощью семейного законодательства. Каждая из названных позиций вызывает возражение.

Концепция утверждает, что имеющая место трансформация института семьи “обусловлена более глубокими общественными процессами, связанными с изменениями социальной, культурной, духовно-нравственной среды”²⁰. Тем не менее она призывает к прошлому: многодетности, прочности брачных уз и т.п., что в наше время механически возродить уже невозможно. И даже самое совершенное семейное законодательство уже не всеильно. Что же касается так называемой лживости положения ребенка в семье, то призыв к возвращению к прошлому, тем более такому далекому, основывается на относительном незнании этого прошлого, а оно не так уж безмятежно.

Для далекого по историческим меркам времени характерно полное подчинение детей воле родителей. “Власть родителей над детьми, и при этом власть обоих родителей, была признана у нас уже во времена язычества”²¹. Они были вправе отдавать своих детей в рабство²². Семейная власть простиралась на всю совокупность лиц, живущих в доме, “куда входили дети, рабы,

¹³ См.: Концепция. Кн. 3. П. 36.

¹⁴ См.: там же.

¹⁵ См.: там же. П. 170.

¹⁶ Там же. П. 167.

¹⁷ См.: Собрание законодательства РФ 2012. № 23. Ст. 2994.

¹⁸ См.: Концепция. Кн. 3. П. 8.

¹⁹ Там же. П. 9.

²⁰ Концепция. Кн. 1. С. 7.

²¹ Неволин К. История российских гражданских законов. Т. I. СПб., 1851. С. 317.

²² См.: там же. С. 318.

родственники, прислуга”²³. После крещения на Руси (988 г.) на смену языческим предписаниям пришли церковные. Поэтому, с одной стороны, отношения, связанные с браком, детьми, регулировались правилами, уходящими своими корнями в далекое прошлое, старинными обычаями, с другой – нормами церковного права. К числу первых относилась “Русская Правда”, последняя редакция которой содержала правило: дети холопов приравниваются к приплоду скота – “От челяди плод или от скота”²⁴. Причем “от челяди плод всегда оставался главным предметом хозяйственного интереса”²⁵. После крещения Руси все большее распространение христианская семейная мораль²⁶, и православная церковь берет детей под свое заступничество. Но при этом исходили “из представления об изначальной греховности человеческой натуры”²⁷. Поэтому “ребенка нужно с самого раннего детства “укротить”, сломать его характер и подчинить родительской воле”²⁸.

В далеком прошлом широкое распространение имели разного рода правила, поучения. Их главная цель в Древней Руси – как можно более полно подчинить свою жизнь христианским нормам. Древнейшие известные на Руси сочинения, где были сосредоточены поучения, содержались в Изборнике 1076 г. Но его рекомендации были адресованы в основном богатым и знатным читателям, имевшим богатый дом с отроками²⁹. Им же предназначались поучения: “изжить стремление к богатству (“сребролюбие”), проявлять кроткость, терпение, смирение и миролюбие, не озлобляться, не осуждать других, не поддаваться дурному влиянию, быть послушливым и трудиться, трудиться без конца”³⁰. Интересно, что имевшие место поучения были связаны “с правильным поведением, а не с внутренними устоями, как это привычно современному человеку”³¹. Что же касается неимущих слоев населения, то здесь все было иначе, когда, например, родители из-за голода продавали своих детей “приезжему гостю”. “Нередко ребенка по тем же причинам отдавали даром”.

А иногда “вне этих обстоятельств”³². Позже не менее красноречивы были поучения Владимира Мономаха, обращенные к его детям или “иному кому”: “цени труд, молчи “при старых”, слушай премудрых, “не свирепствуй словом”, много не смейся, научись “языку удержанию”, “уму смирению”, “телу порабощению”, “понужайся на добрые дела”, не лести, терпи и т.п.”³³.

В Московском государстве положение несовершеннолетних детей по-прежнему находилось под властью обычного и церковного права, о чем свидетельствует выдающийся памятник Московской Руси – Домострой, который рассматривался как “дидактическая поэма”³⁴. Он содержал призыв, во-первых, почитать родителей, во-вторых, строго наказывать своих детей – “и не ослабен бѣя младенца, ащѣ бо жезлом бѣяши его, то не умрет, но здраве будет: ты бо бѣя его по телу, душу его избавляешь от смерти”³⁵. Соборное уложение 1649 г. предоставляло родителям право продавать своих детей в холопство или в крестьяне вместе с собою³⁶. Они могли отдавать своих детей в монастырь. “За грубость или нанесение побоев родителям..., непочитание родителей... дети по челобитным родителей подвергались торговой казни”³⁷ (казни на главной торговой площади. – А.Н.). В Московском государстве, как и прежде, дети-сироты были предметом особого внимания. Они нередко попадали в монастыри, где их воспитывали, кормили и одевали. А в некоторых монастырях существовали даже детские приюты, где по мере подрастания детей их приспособляли к различным работам. Осиротевших детей брали и в зажиточные дома, где их воспитывали и обучали какому-нибудь ремеслу, а по достижении совершеннолетия отпускали в мир. Крестьянские дети, “оставшись от родителей своих”, поступали на воспитание родственников или посторонних вместе со своим имуществом. Если никакого имущества у них не было, они жили мирским подаянием. “Общество об них нисколько не заботится, предоставляя их на волю судьбы”³⁸. Тогда дети становились нищими. В 1682 г. был подготовлен проект Указа, где из общего числа нищих выделялись нищие безродные дети. Для них предстояло

²³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1905. С. 472.

²⁴ Российское законодательство 19–20 веков. Т. I. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 28.

²⁵ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки 11–13 вв. М., 1966. С. 66.

²⁶ См.: там же. С. 120.

²⁷ Долгов В.В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI–XIII веков. Ижевск, 1999. С. 166.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: там же. С. 154.

³⁰ Там же. С. 155.

³¹ Там же. С. 156.

³² Романов Б.А. Указ. соч. С. 212.

³³ Цит. по: Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. С. 130.

³⁴ Домострой. СПб., 1867. С. 10.

³⁵ Домострой. Одесса, 1887. С. 43.

³⁶ См.: Неволлин К. История российских гражданских законов. С. 325.

³⁷ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. М., 1987. С. 433.

³⁸ Костров Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876. С. 36.

открыть специальные дома с целью их обучения грамоте, ремеслам. Правда, подобные дома создавались и ранее – при монастырях.

Нехватка рабочих рук вызвала к жизни отношение к ребенку-сироте как к будущему работнику, чьим трудом можно было пользоваться бесплатно. Их закабаление стало наиболее примитивной формой заботы государства о детях, оставшихся без семьи³⁹. А оставшийся без родителей ребенок “бил челом во двор к лицу, согласившемуся взять его к себе”, чем обеспечивал свое пропитание⁴⁰.

С началом XVIII в. на исторической сцене “появляется личность”, и родительская власть над несовершеннолетними детьми начинает постепенно ослабевать. Теперь нельзя было отдавать ребенка в кабалу, его можно было отдавать “во временное услужение”. Не допускалась продажа детей врозь, отрывающая их от родителей, “отчего немалый вопль бывает”⁴¹. В эпоху правления Петра I была высказана мысль: “дети освобождаются от обязанности повиноваться родителям против своей совести”, поскольку “хотя чада воли родительской подлежат, но не как скоты безсловеснии”⁴². Реформаторская деятельность Петра I распространялась и на детей, оказавшихся в бедственном положении, без семьи, средств к существованию. Их направляли в “государственные учреждения”. Боролся Петр I и с нищенством несовершеннолетних.

По-прежнему заметное место в отношении к детям занимали и тогда всякого рода поучения, предназначенные как родителям, так и детям. Например, для крестьянских детей предназначалось такое правило: их всякий крестьянин “должен в великом страхе содержать, ни до какой праздности не допускать и всегда принуждать к работе, дабы он в том взял привычку и, смотря отца своего неусыпные труды, себя к тому приучать мог”⁴³. При Екатерине II для детей создавались “смирительные дома” для сыновей или дочерей, “кои родителям своим непослушны или пребывают злого жития ни к чему доброму не склонны”⁴⁴. Детей помещали в эти дома по просьбе отцов или матерей, адресованной в приказ общественного призрения. Как и прежде, культивировалось по-

читительное отношение детей к своим родителям. В Уставе благочиния (1782 г.) говорилось: “Дети долг имеют оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь и служить и самым делом, словами же и речами отзываться об них с величайшим почтением, сносить родительские поправки и увещания терпеливо без ропота”⁴⁵. Вместе с тем в деятельности Екатерины II заметное место принадлежит созданию специальных учреждений для детей, оставшихся без семьи, родителей.

XIX в. не принес ничего принципиально нового теперь уже в законодательную регламентацию положения ребенка в семье. Но в Своде законов гражданских (ч. 1 т. X.)⁴⁶ уже достаточно подробно говорится о положении детей законных, родившихся в недействительном браке, внебрачных, узаконенных, усыновленных детях. Статья 165 Свода довольно подробно описывает действия родителей по исправлению своих строптивых и неповинуемых детей. В случае безуспешности применения домашних исправительных мер родители “властны” отдавать несовершеннолетних детей в возрасте от 10 до 17 лет в воспитательно-исправительные заведения, а за упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки заключать в тюрьму, приносить на них жалобы в судебные установления⁴⁷. Отличительной особенностью Свода законов гражданских является упоминание об обязанностях детей, куда входят: “чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь; служить им на самом деле, отзываться об них с почтением и сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота” (ст. 177)⁴⁸. Вместе с тем в Своде законов гражданских появились новые важные правила. В одном из них говорилось, что “родители не имеют права на жизнь детей и за убийство их судятся и наказываются по уголовным законам”. К тому же родители не могут принуждать своих детей к совершению деяний противозаконных или к соучастию в оных; дети освобождаются в сем случае от обязанности повиноваться им против своей совести, особливо в том, что требует собственного их разсуждения и воли”. К числу обязанностей родителей ст. 172 Свода законов гражданских относит “обязанность давать несовершеннолетним детям пропитание, одежду и воспитание, доброе и честное, по свое-

³⁹ См.: Бахрушин С. Организация попечения о беспризорных детях в Москве. М., 1916. С. 2.

⁴⁰ См.: там же.

⁴¹ Акты о высших государственных управлениях. Т. I. Законодательные акты Петра I. М., 1945. С. 92.

⁴² Тютрюмов И. Крестьянская семья (Очерк обычного права) // Русская речь. СПб., апрель 1879. Ч. 1, 2. С. 292.

⁴³ Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. Л., 1982. С. 85.

⁴⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. С. 267.

⁴⁵ Неволлин К. История российских гражданских законов. Т. I. СПб., 1851. С. 358.

⁴⁶ См.: Тютрюмов И.М. Законы гражданские. Пг., 1915. С. 154 и далее.

⁴⁷ См.: там же. С. 159.

⁴⁸ Там же. С. 166.

му состоянию”. Мало того, ст. 132⁴ того же Закона обязывает отца внебрачного ребенка сообразно своим имущественным средствам и общественному положению матери ребенка нести издержки на его содержание, если он в том нуждается, до его совершеннолетия. “В состав следующего с отца внебрачного ребенка содержания последнего включается и содержание нуждающейся в этом матери ребенка, если уход за ним лишает ее возможности снискивать себе средства к жизни”.

Небезразличным к детям оказалось и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., имевшее специальный раздел, посвященный преступлениям “против прав семейных”, где в ст. 1592 говорилось: “За упорное неповиновение родителям, развратную жизнь и другие явные пороки дети по требованию родителей, без особого судебного рассмотрения подвергаются заключению в тюрьме на время от 2^х до 4^х месяцев”. Родителям в сем случае предоставляется право уменьшить, по усмотрению своему, время заключения или совершенно простить виновных”⁴⁹. Вместе с тем ст. 1587 этого Закона предусматривала ответственность родителей за злоупотребление родительской властью. В принципе аналогичные предписания сохранили свою силу и в последующие годы.

Следовательно, Свод законов гражданских (1832 г.) продолжил линию на сложившееся веками отношение к ребенку, которое всецело зависело от религиозных заповедей, где основным являлось безмерное почитание, бессловесное повиновение родителям, чьим рабом он оставался. Укоренившиеся обычаи, церковные постулаты незримо присутствовали в каждой семье. Но ее уделом, как всегда, была защита несовершеннолетних детей. Государство вмешивалось лишь тогда, когда ребенок ее терял. Таково то далекое прошлое, традиции и обычаи которого с точки зрения Концепции надо сохранять. Конечно, что-то хорошее для детей можно найти “в недрах седой старины”, но главное – не повторить ошибок, что важно для поиска выхода из ситуации, складывающейся в России в начале XXI в.

Для начала XX в. в России характерны глубинные перемены не только в экономике, политике, но и в отношении к детям. Отныне все они должны стать предметом не семейного, а общественного воспитания, так как семья в “новом государстве” отомрет. На повестке дня было воплощение в жизнь идеи коммунистического воспитания всех детей за счет государства. “Так или иначе

мы заставим матерей согласиться на национализацию детей”, – утверждал в то время большевик А.Г. Бадаев⁵⁰. Тогда при создании “нового” государства руководствовались лозунгом: “Человечество ищет обновления, и работу над ним оно правильно должно начать с нового отношения к идущим на смену юному поколению”⁵¹. Преимущества общественного воспитания, осуществляемого в детских домах, объяснялись и тем, что “здесь ребенок находится под постоянным надзором, поэтому из него легче лепить то, что нам нужно”⁵². Но в первые годы становления РСФСР было не до воплощения этой идеи. Предстояло избавить детей от голода, последствий Гражданской войны. Ради спасения осиротевших детей с целью предупреждения детской беспризорности осенью 1918 г. во многих городах создавались общественные организации, именуемые “Лигой спасения детей”. Она занималась детьми как “белых”, так и “красных”, поскольку “для нас нет ни детей белых, ни детей красных, есть русские дети, которых мы обязаны охранять от последствий Гражданской войны”⁵³. Катастрофическое положение детей, естественно, не могло не привлекать внимания государства. Поэтому, например, Постановлением Совета народных комиссаров в 1919 г. создается Совет защиты детей, в 1921 г. при Всероссийском Исполнительном Комитете Чрезвычайная Комиссия по улучшению жизни детей, которая констатировала: “Дело детского воспитания и обеспечения на всем протяжении РСФСР находится в чрезвычайно угрожающем, а местами прямо-таки катастрофическом положении и требует со стороны всех высших государственных органов решительных мер как организационного, так и материального характера, направленных к ликвидации позорного для Советской Республики детского фронта, грозящего если не вымиранием подрастающего поколения Рабоче-Крестьянской России, то его физическим и моральным вырождением”⁵⁴. К страдающим детям отнесли и тех, кто становился жертвами массовых репрессий в годы коллективизации, индустриализации. Дети теряли мать еще и потому, что женщины “массами оказались в рядах контрреволюции”⁵⁵. По аналогичной причине несовер-

⁵⁰ См.: *Зензинов В.* Беспризорные. Париж, 1929. С. 37.

⁵¹ *Люблинский П.И.* Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (Социально-правовые очерки). М., 1923. С. 6.

⁵² *Детский дом и борьба с беспризорностью.* М., 1928.

⁵³ *Зензинов В.* Беспризорные. С. 18.

⁵⁴ Центральный государственный архив РСФСР. Ф. 1575. Оп. 6. Ед. хр. 32.

⁵⁵ *Стучка П.* Женщина перед советским судом // Сов. юстиция. 1930. № 13. С. 2.

⁴⁹ Свод законов уголовных. Т. XV. СПб., 1885.

шеннолетние становились сиротами при живых родителях, которые были репрессированы. Великая Отечественная война также способствовала бедственному положению детского населения. По-своему содействовал потере ребенком своей семьи Указ Президиума Верховного Совета СССР “Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям...” от 8 июля 1944 г.⁵⁶, открывший беспрепятственный путь ребенка одинокой матери в детское учреждение на полное государственное попечение⁵⁷.

Таким образом, имеются все основания считать даже в историческом плане судьбу ребенка многострадальной. Поэтому трудно согласиться с позицией современной Концепции, принятой уже в начале XXI в., а точнее в 2013 г., сводящей социальные функции семьи к сохранению традиций, обычаев семьи и рода, передаче их от поколения к поколению⁵⁸. Семейных, родовых традиций в истории России много и далеко не все из них имеет смысл возрождать. Речь может идти не о традициях вообще, но лишь о тех, что связаны с возрождением, соблюдением нравственных начал в семейных отношениях, которые “тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни..., жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира”⁵⁹. Именно такие традиции заложены в Указе Президента РФ “О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы”⁶⁰. А Концепция не делает центральной идею нравственного возрождения, сохранения нравственной составляющей в семейных отношениях, которое зависит от множества факторов, оказывающих влияние на человеческую культуру вообще и семейные отношения, в частности. Семейный кодекс РФ, будучи законом, выполняет несколько иную миссию, не имеющую прямого отношения к формированию личности несовершеннолетнего, тем более что Концепция дает свой перечень семейных ценностей, влияющих на состояние семьи, благополучие детей. Сюда входит, например, совместное

проживание под одним кровом не менее чем трех поколений рода, участие бабушек и дедушек в воспитании детей и т.п. Согласно Концепции восстановление традиционных семейных ценностей должно начинаться “с совершенствования семейного законодательства”⁶¹, тогда как это законодательство имеет иное назначение, свои особенности. А ему вменяется умаление роли родителей в решении вопросов воспитания и развития детей, узаконение свободы усмотрения органов опеки и попечительства. К тому же, по утверждению Концепции, семейное законодательство игнорирует начавшийся стихийно процесс восстановления института церковного брака⁶². Но о признании церковного брака как государственного речи быть не может, пока действует п. 2 ст. 14 Конституции (Основного Закона), предусматривающий отделение от государства религиозных объединений.

Подобные выводы не единственный недостаток Концепции, ее общественного проекта. Другой заключается в том, что она видит причину ослабления института семьи и разрушения традиционных семейных ценностей в ложном понимании принципа приоритета прав ребенка, который был привнесен в нашу страну в 90-х годах прошлого столетия⁶³. На самом деле еще в ст. 153 первого Семейного кодекса 1918 г. записано: “Родительские права осуществляются исключительно в интересах детей”⁶⁴. Аналогичное положение нашло отражение в ст. 33 КЗоБС РСФСР 1926 г.⁶⁵ А в ч. 2 ст. 52 КоБС РСФСР 1969 г. говорилось о том, что родительские права не могут осуществляться в противоречие интересам детей⁶⁶. Налицо ярко выраженный, зафиксированный во всех прежних семейных кодексах тезис, означающий существование предпочтения интересам ребенка, что нашло свое отражение в последующих законодательных актах, регулирующих семейные правоотношения. И этот тезис вовсе не является ложным, так как разрешаемые на основе семейного кодекса споры о детях, проблемы устройства детей, лишившихся родительского попечения, составляют большую часть его статей. Возникающие при их реализации проблемы невозможно решить без ориентации на интересы ребенка, их приоритет. Интересы других членов семьи, даже родителей, родственников, к превалирующим не относятся. В то же время соблюдение интересов несовершеннолетнего

⁵⁶ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.

⁵⁷ Несмотря на то что этот Указ утратил свою силу, крен в сторону преимущественного устройства ребенка, чьи родители в браке не состоят, в государственное учреждение на полное государственное обеспечение сохранился и имеет в современной России широкое распространение.

⁵⁸ См.: Концепция. Кн. 3. П. 8.

⁵⁹ Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию // Росс. газ. 2013. 13 дек.

⁶⁰ См.: Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

⁶¹ Концепция. Кн. 1. С. 28.

⁶² См.: там же.

⁶³ См.: Концепция. Кн. 3. П. 10.

⁶⁴ Собрание узаконений. 1918. № 76–77.

⁶⁵ См.: Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

⁶⁶ См.: Вестник Верховного Суда РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1986.

члена семьи полностью совпадает с реализацией его главного права – на жизнь и воспитание в семье. А противопоставление прав ребенка с правами его родителей по определению невозможно. Каждый из них имеет свои права, четко обозначенные семейным законодательством. Они лишь соприкасаются, но не сопоставимы. В то же время Концепция в обоснование своей позиции ссылается на то, что Конвенция о правах ребенка “провозглашает приоритет прав ребенка по отношению к основным правам и свободам человека и гражданина, т.е. относит принцип приоритета прав ребенка к сфере взаимоотношений ребенка и общества, но не к отношениям ребенка с членами его семьи”⁶⁷. И далее: “Отнесение принципа приоритета прав ребенка исключительно к сфере семейных отношений родителей и детей ведет к искусственному противопоставлению права одних прав других и в конечном счете к разрушению одного из главных прав ребенка – права на семью как естественную среду для его роста и благополучия”⁶⁸. Подобный вывод, построенный на смешении понятий, позволяет сделать неверный вывод, чреватый для осуществления задач, сформулированных в самой Концепции. Что же касается ссылки на Конвенцию о правах ребенка, то в ее тексте немало статей, имеющих прямое отношение к правам ребенка в семье. Так, в п. 1 ст. 3 говорится о создании наилучших условий для обеспечения интересов ребенка. В развитие этого положения Конвенция закрепляет правила о том, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию (п. 1 ст. 9); имел возможность поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями (п. 2 ст. 10); государство принимает все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке” (п. 1 ст. 19), и др. Много внимания Конвенция уделяет принципам общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка. При этом подчеркивается, что “наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы” (п. 1 ст. 18). Говоря об усыновлении, Конвенция опять-таки обращает

внимание на необходимость учета наилучших интересов ребенка (ст. 21). Словом, утверждение, что Конвенция о правах ребенка не имеет никакого отношения к семейно-правовой сфере, связанной с несовершеннолетними членами семьи, не соответствует действительности. Все относящиеся к спорам о детях, защите осиротевших детей положения находят свое дальнейшее развитие и уточнение в тексте современного Семейного кодекса. А искаженное представление о назначении Конвенции о правах ребенка не способствует защите его прав в семье.

По утверждению общественного проекта Концепции выходом из положения будет возврат к прошлому, когда незыблемость родительского авторитета (а точнее родительской власти) не подвергалась сомнению. Тогда было уместным понятие “родительская власть”. Но оно ассоциируется с могуществом одной стороны, беспрекословным, рабским подчинением другой, в качестве которой чаще всего фигурирует ребенок, беспомощный в силу своей незрелости. Его превращение в лицо, лишенное всяких прав, предмет собственности, в данном случае – родителей, полной психологической, материальной от них зависимости для нашего времени – нонсенс, если не забывать, что речь идет о будущем поколении. Вот почему понятию “родительская власть” уже нет и не может быть места в современном семейном законодательстве России. Оно нуждается в переводе на другой язык, подходящий как с педагогической, так и с правовой точки зрения, позволяющий решать правовые проблемы, имеющие прямое отношение к сохранению, “сбережению” подрастающего поколения. При этом, несомненно, в процессе его развития заметное место принадлежит родительскому авторитету. Его нельзя вырастить искусственно, возродить силой с помощью закона, даже регулирующего семейные отношения, поскольку он во власти множества самых разных факторов, куда входят и те, что подрывают родительский авторитет, в частности алкоголизм, наркомания родителей, средства массовой информации, просчеты по линии внесемейного образования и воспитания и др. Вместе с тем, о каком родительском авторитете можно говорить, зная, что реально существуют так называемые родители, которые отказываются от своих детей, оставляют их на погибель, жестоко с ними обращаются, уклоняются от выполнения родительских обязанностей, подвергают их жизнь постоянной опасности. И пусть таких родителей немного по сравнению с любящими, заботливыми, все равно их существование противно человеческой природе во все века, опасно со всех точек зрения для общества,

⁶⁷ Концепция. Кн. 1. С. 28.

⁶⁸ Там же.

представляет угрозу дальнейшему его развитию. Поэтому важно говорить о родительском авторитете, родительских правах не вообще, декларируя стандартные постулаты, предназначенные для любого, каждого родителя, в том числе того, кто им по собственной воле уже не стал, но сосредоточить внимание на усилении ответственности родителей за неисполнение своего родительского

долга, защите интересов ребенка, о котором родители перестали заботиться, и на помощи государства детям, ставшим сиротами при живых родителях. Однако предпринимаемые государством усилия по решению перечисленных задач по своим масштабам пока несоизмеримы с теми негативными последствиями, которые имеют место на самом деле.